

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елена МАЛИНОВСКАЯ

ТЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Елены Малиновской
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТЕНИ

Цикл
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВУЛДИЖА,
ПОТОМСТВЕННОГО НЕКРОМАНТА»

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ ПРАВИЛА ЧЕРНОЙ НЕКРОМАНТИИ

Цикл
«ИГРЫ С БОГАМИ»

ТАНЕЦ НАД БЕЗДНОЙ БЕЗЫМЯННЫЙ БОГ КОНЕЦ ИГРЫ

Дилогия
«КРОВЬ НА МОЕМ КЛИНКЕ»

КОДЕКС УБИЙЦЫ КОДЕКС ДРАКОНА

Елена МАЛИНОВСКАЯ

ТЕНИ

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Было больно дышать. Воздух, вязкий от запаха крови и смерти, отказывался заполнять легкие. Веяло приближающейся чумой, голодом и близкими пожарами. Война прокатилась по стране разрушительной волной, слизнула с лика земли деревни, поселки, города, оставив после себя дымящиеся руины, в которых ютились в основном женщины и маленькие дети, пощаженные захватчиками. Но скоро зима. В этих краях она всегда сурова. Поля выжжены, вытоптаны чужаками, от домов в лучшем случае остались одни стены. Нет еды, нет крова, значит, вновь здесь пройдет богиня Смерть в развевающихся одеждах цвета алой свежей крови.

Старый король плакал. Плакал, не стесняясь придворных, точнее — вообще не замечая их присутствия. Наверное, он дал волю чувствам впервые за всю историю своего владычества. Даже когда его жена умирала в роскошных покоях от родильной горячки — он не проронил ни слезинки на людях. Лишь ночью, запершись в своей спальне, король выл от горя и отчаяния, терзая зубами уголок подушки, понимая, что за толстой каменной стеной в соседней комнате его любимая, его маленькая Шаная с огромными синими глазами, белоснежной, словно из драгоценнейшего фарфора кожей и темными волосами сейчас мечется в жарких объятиях бреда и боли, с каждым мигмом уходя от него все дальше и дальше. И все, что от нее останется, — лишь портрет, на котором она не похожа на саму себя, и крохотный младенец, упорно отказывающийся от груди кормилицы. «Ребенок не жилец, — тихо шептали во

дворце. — Уйдет вслед за матерью, а возможно, и опередит ее на пороге смерти».

Вопреки ожиданиям, девочка выжила. И вопреки чаяниям многочисленных фавориток, король оставил ее при дворе, не отослав прочь как постоянное напоминание о гибели любимой жены. Уж очень она была похожа на мать. Те же глаза цвета вечернего неба, те же волосы, настолько черные, что отдавали в синеву, тот же заливистый громкий смех.

Спустя всего месяц, когда минул положенный для траура срок, король женился вновь, решив, что негоже оставлять страну без наследника. Его выбор и странная поспешность многих озадачили. Новая супруга оказалась полной противоположностью погибшей. Никто не мог и предположить, что королевой станет низкорослая, ширококостная и откровенно некрасивая Ханна, единственным достоинством которой была принадлежность к знатному и древнему роду, известному своей преданностью государю.

«Хватит с меня красавиц, — однажды сказал король своему верному советнику. — Они как розы — радуют глаза, ранят сердце своими шипами, но умирают от малейшей оплошности садовника. Мне нужен сын, и Ханна сумеет его выносить и родить».

Так и случилось. Спустя год после свадьбы королева подарила мужу крепкого краснощекого младенца — принца Ольда. Еще через год — принцессу Данирию. И продолжала исправно рожать здоровых детей, пока король окончательно не перестал заглядывать в ее спальню.

«Она разорит меня, — жаловался король тому же советнику. — Всех сокровищ нашего государства не хватит, чтобы обеспечить дочерей приданым. Где мне найти столько провинций для сыновей? Боюсь, после моей смерти они раздерут страну на маленькие кусочки, пытаюсь урвать как можно больше власти. Стыдно сказать, но я постоянно путаюсь в количестве детей и не помню всех имен. Достаточно. Если она не желает принимать травы, то пусть отныне не ждет меня в своих покоях».

Король не любил своих многочисленных отпрысков. Их было слишком много, кормилицы и воспитатели не справлялись с шумной оравой, а супруга постоянно потакала их невинным, как она считала, детским шалостям. Его терпение иссякло, когда однажды он обнаружил в дворцовом саду жестоко убитую кошку. Неведомые изверги выкололи ей глаза, отрезали лапы, затем долго пинали, играя в какую-то непонятную игру, пока несчастное животное не испустило дух. Король наткнулся на истерзанный трупик во время вечерней прогулки и пришел в такое бешенство, что испугался даже старый верный советник.

«Ваше величество, — уговаривал он, пока король самостоятельно рыл могилу одолженной у садовника лопатой, — успокойтесь, пожалуйста. Это дети. Они еще не понимают, что плохо, а что хорошо».

«Они все прекрасно понимают, — с горечью ответил король, бережно укладывая трупик на подстилку из свежей травы. — И мне страшно, Олаф. Сегодня они издеваются над животными, упиваясь своей безнаказанностью и всемогуществом. А что будет завтра? Дойдет очередь до бедняков и нищих, за которых некому вступиться?»

Этим же вечером принц Ольд, давно известный своими садистскими замашками, отправился в закрытую военную академию, более напоминающую обыкновенную казарму, где детей воспитывали без малейшего пиетета к древности рода или деньгам родителей. Королева Ханна, узнав о решении супруга, явилась в его покои лично. Неизвестно, о чем они беседовали, но на следующее утро король отослал от двора свою любимицу — девочку, названную по имени умершей матери Шанаей. В ту пору ей как раз исполнилось двенадцать.

«Теперь я боюсь за ее жизнь, — с горечью признался король советнику. — Ханна — глупая и мстительная женщина. И потом Шанае надо учиться. Она сообразительная девочка, более того — обручена с принцем Ноэлем и обязана к замужеству выучить язык чужой страны. В монастыре Пресветлой богини ей помогут в этом».

Восемь лет прошло с той поры. Если бы король Харий Первый мог предположить, к чему приведет его решение! Если бы только сумел повернуть время вспять! Тогда не случилось бы этой войны, и он бы сейчас не стоял с непокрытой головой на вершине холма, наблюдая, как к нему медленно продвигается процессия чужаков под белыми знаменами временного перемирия.

Слезы текли по морщинистым щекам короля. Слезы безысходности и слепого отчаяния. Он проиграл. Проиграл впервые в жизни, и уже ничего нельзя изменить.

Наконец процессия поднялась на холм переговоров. Впереди ее шел тот, кого Харий ненавидел всем сердцем. Тот, который переиграл его на полях сражений, поставил на колени целую страну, а сейчас собирался отнять самое дорогое, что еще осталось у него.

— Ваше величество.

Король опустил голову, безуспешно пытаясь скрыть ненависть, сверкнувшую в глазах. От хриплого простуженного голоса чужака накатило бешенство. Какая жалость, что нельзя вцепиться ему зубами в горло, словно дикий зверь!

— Ваше величество! — кашлянув, продолжил чужак, и злая насмешка мелькнула в его темно-карих, почти черных глазах. — Вы выслушали вчера условия, на которых я готов заключить мир и прекратить войну. Вы согласны?

Тишина. Высоко над головой бьются черно-белые стяги. Но один лишь слабый кивок короля — и они покорно склонились к ногам чужаков, знаменуя окончательное поражение.

— Хорошо. — Захватчик удовлетворенно усмехнулся. Затем перевел холодный взгляд за спину короля и улыбнулся еще шире. — Вы принимаете все мои условия?

Долгая мучительная пауза. Невозможно кивнуть, соглашаясь на это. Нет, нет и нет! И внезапная шальная мысль вдруг заставила короля сжать кулаки. А что, если напасть на чужаков сейчас, когда они меньше всего этого ждут? Плевать на священные знамена переговоров, плевать на то, что все равно их перебьют. Главное — успеть до

смерти добраться до ненавистного противника и проткнуть ему сердце.

— Да, мы принимаем все ваши условия, — раздался звонкий девичий голос как раз в тот миг, когда король был готов отдать приказ личной охране обнажить оружие, и Шаная, его маленькая Шаная добровольно выступила из-за спины отца.

— Моя госпожа. — Захватчик на удивление почтительно склонил голову, приветствуя девушку. Протянул ей руку, предлагая следовать за ним. Затем, небрежно, королю: — Я рад, что вы не стали делать глупостей. Иначе все могло бы закончиться весьма плачевно. Для вас.

Король смотрел, как его дочь уходит с захватчиками, и плакал. Суждено ли им встретиться вновь? Вряд ли.

Часть первая ПОМОЛВКА

За девять лет до событий, описываемых в прологе

Шаная никогда не отличалась примерным поведением. Нет, она не доставляла особых проблем воспитателям, но те зачастую и представить не могли, какие именно мысли блуждали в голове у маленькой принцессы. Стоит хотя бы вспомнить переполох, который она однажды устроила, сбежав из дворца.

В тот день, дождавшись, когда пожилая Нинель задремлет в кресле после сытного обеда, Шаная неслышно выскользнула из своей комнаты. Вихрем пролетела по пустынным коридорам в закуток около кухни, там натерла себе щеки и лоб густой сажей, повязала на голову грязную тряпку, скрывая роскошные длинные волосы, накинула поверх шелкового платья старую ветошь и скрылась в густых зарослях близкого хвойного леса, без проблем обманув простеньким маскарадом охрану у ворот дворца. В каком-то смысле ей повезло. На кухне в тот момент было слишком многолюдно — поварята и прислуга сбивались с ног, готовясь к большому званому обеду, поэтому не обратили внимания на шустроногую девчонку, наверняка сочтя ее за дочь какой-нибудь фрейлины. Охрана у ворот даже подумать не могла, что принцесса способна на такую шалость. Напротив, стражники сочли ее за нищенку и строго прикрикнули, повелев убраться прочь.

Король был в бешенстве. Он пообещал повесить всех стражников, несших караул в тот день, а перепуганную Нинель, которая вся в слезах сама явилась к нему с повинной, прилюдно четвертовать. Вероятно, жестокая рас-

плата настигла бы несчастную этим же вечером, но вмешался советник Олаф. Он упрямил короля обождать с наказанием виновных и отправил глашатаев в ближайшую деревню, чтобы объявить о предстоящей казни.

Лес до пределов наполнился голосами стражников, лаем собак, шелестом поисковых заклинаний. Но Шаная словно сквозь землю провалилась. Нинель рыдала в камере, готовясь к скорой жестокой смерти; стражники, не сшие караул в злополучный день, ожидали своей участи в соседних камерах. Дворец обыскали не меньше десятка раз, прилегающую территорию и того больше. Охрану на северных и южных воротах многократно усилили. Званный ужин, правда, состоялся, однако представлял собой весьма печальное зрелище. Король был мрачен и глушил вино кубками. Гости испуганно перешептывались. Превосходно вышколенная прислуга, почувствовав тучи, неуклонно сгущающиеся над дворцом, постоянно ошибалась при подаче блюд. Королева лучилась от счастья, пряча злорадную усмешку за веером, чем еще сильнее гневилла своего супруга. Лишь советник сохранял ледяное спокойствие. Он точно знал, что Шаная вернется. Иначе и быть не могло. Она хоть и росла проказливой девчонкой, но Нинель любила и вряд ли позволила бы погибнуть ей столь жуткой смертью. Однако он не представлял, что это произойдет именно таким образом.

Перед подачей десерта стало ясно, что скандала в этот вечер избежать не удастся. Король то и дело ронял тяжелые недовольные взгляды на супругу, которая, расслабившись и немного перебрав легкого игристого вина, всю щебетала со своими фрейлинами, периодически раздражаясь веселым задорным смехом. Это поведение было столь несвойственно обычно хмурой и всем недовольной Ханне, что волей-неволей у присутствующих на ужине появились ненужные вопросы. История знает немало примеров, когда мачеха избавлялась от нелюбимых детей, оставшихся после предыдущих браков супруга. Вдруг принцесса пала невинной жертвой вероломства и коварства новой королевы?

Даже советник Олаф заволновался. Вообще-то он считал королеву достаточно глупой особой, неспособной на подобные хитрости и интриги, но мало ли. Известно, что при дворе всегда можно найти личностей, готовых за определенную сумму устранить любую проблему.

И в тот момент, когда король уже был готов взорваться от негодования и приказать гостям выметаться прочь, чтобы наедине серьезно побеседовать с женой, случилось невероятное.

Как раз вносили десерт. Слуги суетились, готовя перемену блюд. В поднявшейся около дверей молчаливой суматохе никто не обратил внимания на девочку в испачканном и немного порванном шелковом платье небесно-голубого цвета. Шаная уже отмыла лицо от сажи, но вот наряд, пострадавший от приключений, не успела переменить, первым же делом после возвращения отправившись с повинной к Харию, а не в свои покои.

— Отец!

От громкого детского восклицания король поперхнулся вином, расплескав по белоснежной скатерти едва ли не половину кубка. Встал, неловким движением опрокинув тяжелый стул, и подался вперед. Перед его столом стояла дочь. Живая и невредимая. Лишь над бровью алела свежая царапина, полученная, видимо, в ключих зарослях можжевельника около стен дворца.

Советник Олаф усмехнулся. Все произошло именно так, как он и предполагал. Услышав о предстоящей казни, принцесса мигом забыла свои шалости и поспешила предстать перед разъяренным королем. Несмотря на малый возраст, она всегда признавала свою вину и умела держать ответ за проказы.

— Отец, — повторила Шаная и внезапно с громким плачем рухнула на колени. Король побледнел от неожиданной страшной догадки. Его дочь была так мала и невинна, а за стенами дворца ее подстерегало столько опасностей, что он не хотел и думать о том, чем завершился для нее краткий побег из-под родительской опеки.

Забыв про свой гнев, не думая о придворных, глазаю-

щих с нескрываемым любопытством, Харий бросился к дочери. Принялся гладить ее волосы, перемежая слова утешения с угрозами тем, кто осмелился ее обидеть.

— Простите, отец, простите. — Шаная горько всхлипывала, прижавшись к самому родному человеку, который обычно держал ее на расстоянии. — Это я во всем виновата. Не трогайте Нинель, умоляю. И стражников не надо обижать. Я... я больше не буду!

Король отменил казнь. Но целых полгода после этого Шаная провела в своей комнате, не смея и носа высунуть за порог.

Невероятным везением объяснил побег принцессы начальник личной охраны короля — молчаливый северянин Шарон. Только старый мудрый Олаф, верный советник короля, недоверчиво покачал головой. Слишком много случайностей всегда выглядит как закономерность. Шаная выбрала для своего побега именно тот день, когда во дворце было больше всего народа. Она заранее приготовила вещи, призванные скрыть ее внешность. И самое удивительное — одиннадцатилетняя девочка почему-то выбрала для побега южные ворота, открытые в этот день для многочисленных повозок гостей и телег с провиантом, хотя ближе всего к ее покоям находился северный выход, правда, охраняемый куда строже. Можно ли это объяснить одной удачей? Вряд ли. Скорее, речь идет о тщательно спланированной акции. Кроме того, оставался самый главный вопрос — каким именно образом принцесса миновала охрану на обратном пути? Напуганные угрозами государя, стражники не позволили бы и комару пересечь ворота. А многочисленные поисковые группы в лесу? Ведь среди них были маги, способные обнаружить и иголку в стоге сена. Как, хотелось бы знать, принцесса прошла мимо, не потревожив ни единой нити паутины чар?

Но советник оставил свои выводы при себе. Вряд ли кто-нибудь поверил бы ему, что обыкновенный ребенок способен на такую хитрость. Да и потом, зачем распространяться о необыкновенных способностях принцессы?

Тем самым лишь привлечешь к ней ненужное и даже опасное внимание. Пусть все идет так, как и шло раньше.

Так решил Олаф, пообещав себе не спускать глаз с принцессы и проверить свои предположения. Случай выдался неожиданно скоро. Шаная еще была под домашним арестом, когда во дворец явилась делегация заморских гостей — посланников империи Нардок, давних заклятых соперников королевства Дахар за право обладания Северными островами, богатыми залежами алмазов и серебра, без которого, как известно, не творится ни одно атакующее заклинание. Чем больше серебра у государства — тем сильнее армия его боевых магов, что волей-неволей заставляет соседние страны считаться с чужим мнением, каким бы неприятным оно для них ни было.

На северных окраинах королевства всегда было неспокойно. Нардок быстро набирал военную мощь и все чаще обращал жадные взоры на столь близкие и желанные острова. В свою очередь Дахар не собирался так легко расставаться с землями, гарантирующими ему экономическое и политическое преимущество. Пограничные стычки уже давно стали обыденностью. Гарнизоны просили все больше и больше помощи магами и воинами. Перемирие, заключенное около десяти лет назад между Харием и тогдашним императором Нардока Мириотом Третьим, трещало по швам, рискуя в любой момент развалиться. Но, как говорится, худой мир лучше доброй ссоры. Советники на все голоса твердили королю, что война будет иметь катастрофические последствия для страны. Острова слишком далеко, чтобы иметь возможность их защитить. Захватив их, Нардок вряд ли остановится и обратит свое внимание уже на восточные провинции с развитым земледелием. Северная империя во все времена нуждалась в плодородных землях и постоянно закупала продовольствие у соседей. В свою очередь от восточных провинций уже рукой подать и до столицы — древнего и великого Валиона.

Но война пока была невыгодна и Нардоку. Он еще не оправился после многолетнего противостояния с Дарио-

нией — крошечной горной страной, которая неожиданно долго сопротивлялась захвату. В каменном лабиринте непроходимых скал имперские маги гибли сотнями под будто бы случайными обвалами. Счет потерь среди тренированных, хорошо обученных воинов шел в свою очередь на тысячи и тысячи. Дарионийцы умело избегали открытых крупных столкновений, ведя успешную партизанскую войну против чужаков. Когда казалось, что очередной отряд загнали в западню — он бесследно растворялся среди неприступных расщелин, куда имперцы боялись следовать за противниками, памятуя о многочисленных ловушках этих мест.

Нардок был похож на огромного неповоротливого зверя, которого болезненные укусы мелких насекомых доводят до иступления. В конце концов империя, наверное, впервые за всю историю своего существования отступила и сейчас зализывала раны, с вожделием поглядывая на мягкое и почти не защищенное подбрюшие своего другого соседа — Дахара.

Именно в этот момент во дворец короля явились переговорщики под предводительством старшего сына императора Мириота Третьего. Сам правитель уже фактически отошел от дел, сраженный тяжким недугом — слепой лихорадкой, которая медленно убивает разум человека. Говорили, что он уже не узнавал даже детей и жену, и передача короны наследнику была почти решенным делом ближайшего будущего.

Дворец к торжественному приему опустел. Харий сослал Ханну с шумной оравой непослушных детей в столицу. Вместе с королевой от двора удалились и ее многочисленные фрейлины, воспитатели и прислуга. Только наказанную Шанаю оставили в покое. Король все еще злился на непутевую дочь и подумал, что та сочтет поездку в Валион развлечением, которого пока не заслужила. По крайней мере именно так он объяснил свое решение советнику. Однако Олаф был уверен, что истинная причина кроется совсем в другом. В действительности Харий не желал отдавать дочь под пусть краткий, но присмотр Хан-

ны, откровенно недолюбливающей падчерицу. И, по всей видимости, у него были определенные причины для подобных опасений.

Так или иначе, но в момент прибытия делегации Шаная сидела на подоконнике своей комнаты, широко распахнув ставни и любуясь безоблачным синим небом. Внизу под ней темный хвойный лес шептался о чем-то загадочном, нестерпимой лазурью блестела чешуя глубокой и спокойной реки, в излучине которой стоял дворец.

Принцесса скучала. Ее обучение уже считалось законченным. Она выучила грамоту, счет и правила этикета, остальные науки девочкам в ее возрасте не полагались, а занятия бальными танцами начинались только в следующем году.

За время своего вынужденного заключения Шаная успела перечитать все книги, дозволенные в ее возрасте, и сейчас целыми днями была вынуждена бездельничать, изредка болтая с воспитательницей, которая, увы, при всем желании не могла ответить на ее многочисленные вопросы. Нинель искренне любила свою подопечную, но из-за возраста больше предпочитала дремать или вязать бесчисленные шали. Ее не интересовало, почему зимой холодно и идет снег, а летом жарко, почему птицы умеют летать, а люди нет, не говоря уж о других нескончаемых «почему».

С самого утра во дворце царило непривычное оживление. Слуги запыленно метались по коридорам, наводя последний лоск перед визитом долгожданных гостей. Церемонию приветствия планировали провести в просторном внутреннем дворе. Накануне там воздвигли алтари благодарения богам. Три жертвенника высились, дожидаясь, когда запылают праздничные огни, пожирая вязанки дров и щедрые дары небесам. Самый высокий, усыпанный лепестками белоснежных роз, — для Пресветлой богини, которая в муках создала этот мир. Чуть ниже, алый от свежей крови забитого скота, — алтарь ее мужа, жестокого в своем гневе бога бурь и войны, разрушений и горя человеческого. И опутанный гирляндами черных лилий

жертвенник их дочери Смерти. Последнего ответа на все вопросы, утешения и покоя, неизбежности бытия.

Приготовления слуг не могли оставить безучастной Шанаю. Она с утра начала досаждать вопросами воспитательнице, но Нинель лишь отмахивалась, в свою очередь с интересом глаза сверху на суету слуг и стражников.

Ближе к полудню на шпиле дворца взметнулся государственный флаг Дахара. Черно-белый стяг громко захлопал под резкими порывами ветра, пытаясь сорваться с древка.

Шаная уже изнемогала от любопытства. Нинель заснула после обеда над своим вязанием, поэтому никто не мог отогнать девочку от окна. Она видела, как неожиданно личная охрана ее отца, которая отличалась от остальной стражи темно-зеленым цветом камзолов, выстроилась в две ровные шеренги около ворот, как с пронзительным скрипом створки разошлись в разные стороны, пропуская во двор чужаков.

Харий предполагал, что визитеров будет больше, но он ошибся. Наследный принц враждебной империи предпочел приехать в сопровождении лишь трех воинов, будто смеясь над придворным этикетом и опасностью навсегда остаться в этих землях. Что может быть проще? Один приказ короля — и сомкнутся ряды его верных людей, воздух зазвенит от мечей, покидающих ножны. Никакой, даже самый опытный фехтовальщик не справится против такого количества противников. Да, у принца есть младший брат, но пройдет не один год, прежде чем он осмелится на месть. Слишком много проблем навалится на него в одночасье, чтобы идти войной на вероломного соседа. Дахар получит необходимую передышку, чтобы превратить острова в единый неприступный бастион.

Советник Олаф встревоженно посмотрел на короля. Как бы тот не сделал глупость, клюнув на элементарную наживку. Наверняка это ловушка, и у принца в рукаве спрятан не один козырь. Иначе как объяснить вопиющую глупость и безрассудство?

— Он плюет мне в лицо, — чуть слышно прошептал Ха-

рий. — Показывает, что не боится меня, раз рискнул явиться сюда почти без охраны. Быть может, стоит наказать его?

— Ваше величество, — зашептал Олаф, — полноте. Вы покроете свое имя несмываемым позором, если пойдете на такое. Во все времена белый флаг переговоров означал, что парламентарии находятся под защитой Пресветлой богини. Не стоит гневить небеса.

Принц тем временем, словно не подозревая, что его жизнь висит на волоске, спешил и кинул поводья ближайшему слуге. Последовали примеру господина и его спутники. И уже через секунду он стоял напротив короля, вопреки заведенным правилам не преклонив колено, но ограничившись вежливым кивком, будто приветствуя ровню.

Шаная обмерла за занавеской. Она не знала, кто именно пожаловал с визитом во дворец, но внешность незнакомца ее заворожила. Высокий, худощавый, но жилистый, темноволосый и черноглазый. Одежда непривычно строгого и скромного покроя, лишь перевязь с оружием украшена неброской серебряной вязью, складывающейся в слова незнакомого языка.

— Ваше величество. — Принц Кирион выпрямился, привычно сжав пальцы на рукояти клинка, будто готовясь к неожиданному нападению. — Благодарю вас за приглашение. Надеюсь, в стенах вашего гостеприимного жилища мы без проблем найдем общий язык.

Король нахмурился, уловив в последней фразе откровенную насмешку. Еще раз с сомнением взглянул на шеренгу своих воинов, но через миг отбросил недостойные мысли.

— Ваше высочество. — Харий поспешил спуститься с возвышения, на котором ожидал гостей, подошел к принцу и тепло обнял его, демонстрируя притворную радость от встречи. — Вы себе представить не можете, как я счастлив, что вы откликнулись на мой призыв. Окажите мне честь, принесите вместе со мной жертву богам, чтобы они благословили наше начинание.

— С величайшим удовольствием, — ответил тот, снимая черные перчатки для верховой езды.

Их разговор гулким эхом разносился по каменному колодцу двора, поэтому Шаная не пропустила ни слова. Она подалась вперед, жадно наблюдая за каждым движением незнакомца. Его глубокий бархатный голос с певучим мелодичным акцентом завораживал. Хотелось слушать его вечно.

Принц внезапно ощутил укол беспокойства. Незаметно огляделся, пытаясь избавиться от ощущения, будто за ним наблюдают, но не заметил ничего подозрительного. Его рука дернулась к шее, на которой висел крупный синий кристалл в серебряной оправе.

— Ваше высочество, что-то не так? — негромко спросил его спутник — голубоглазый блондин, по виду истинный северянин.

— Наверное, показалось, — так же тихо ответил принц, задумчиво вертя между пальцев кулон. — Фарий, ты ничего не почувствовал?

— Простите, господин. — Северянин отрицательно покачал головой. — Все спокойно. Я не ощущаю никакой магической угрозы.

Их чуть слышный обмен репликами не остался без внимания. Король приподнял бровь, удивленный таким нарушением этикета, и принц цыкнул, поспешно обрывая своего спутника.

— Будь готов ко всему, — напоследок прошептал Кирион ему и с любезной улыбкой обернулся к Харию. — Великодушно прошу извинить меня, ваше величество. Теперь я полностью в вашей власти.

Харий недовольно скрипнул зубами, вновь уловив откровенный сарказм в словах чужака, но промолчал, лишь косо посмотрел на верного советника. Мол, что ты теперь скажешь, Олаф? Быть может, стоит проучить наглеца?

Но советник не заметил очередных сомнений своего правителя. Он подался вперед, с беззастенчивой жадностью впившись глазами в кулон принца. Он часто видел

такие камни. Теперь Олафу стала понятна безрассудная отвага принца, граничащая с оскорблением.

Личная охрана короля, держа строй, согласно шагнула назад, беря жертвенники в тесное полукольцо. Несколько слуг взяли под уздцы лошадей чужаков, уводя их прочь. Спутники принца отошли к стене, освобождая пространство перед алтарями. Теперь в центре каменного колодца стояло лишь два человека — король Харий и принц Кирион.

— Как почетному и долгожданному гостю я предоставляю право выбора первой жертвы принцу Кириону! — пронеслись над дворцом торжественные слова короля. Высоко над головой стяги забились в объятиях ветра с удвоенной силой, будто пытаясь оторваться и улететь прочь. — Которого из богов мы уважим в первую очередь? Пресветлую богиню Террию или ее яростного мужа — Игниуса?

Шаная затаила дыхание. Она уже присутствовала однажды при подобном ритуале, когда к отцу явился просить о мире самопровозглашенный правитель одной из мятежных провинций. Тогда отец сам сделал выбор, который сейчас предложил незнакомцу. И принес первую жертву на алтарь Игниусу, показав тем самым, что война продолжится до последнего, пока все мятежники не окажутся мертвы.

Что выберет принц? Вязкая зыбкая тишина окутала дворец. Замерли воины, словно не дыша вовсе. Замер король, ожидая решения. Даже ветер на время стих, и повисли безжизненными полотнищами флаги над головами собравшихся. Склонился в глубоком поклоне перед принцем слуга, держа на вытянутых руках поднос с ритуальными дарами. Для Террии — каравай свежего мягкого хлеба. Для Игниуса — кубок молодого вина, которое будоражит кровь и зовет в сражения. Для Смерти — острый нож, и бьется уже на привязи около алтаря молодой ягненок, предчувствуя гибель. Впрочем, эта жертва — скорее формальность. Смерти дары приносят лишь на похоро-

нах, задабривая богиню и прося ее даровать милость усопшему в своих великолепных чертогах забвения.

Кирион не торопился принять решение. Он словно получал удовольствие от всеобщего внимания под перекрестием множества выжидающих взглядов. Руки несчастного слуги, стоявшего в неудобной позе, мелко тряслись от тяжести подноса.

— Что же выбрать? — будто рассуждая сам с собой, но так, чтобы слышал и король, протянул принц.

Харий нервно хрустнул пальцами. Чужак определенно издевался над ним. Чего он добивается, хотелось бы знать?

— Выбрать войну? — Кирион почти ласково провел подушечкой большого пальца по резной поверхности кубка. — Или мир? — И его рука переметнулась к хлебу.

Коленопреклоненный слуга закусил губу, сдерживая мучительный стон. Он почти не ощущал затекших онемевших рук, в плечах пульсировала острая стреляющая боль. Несчастный готов был кричать в голос — ну выбери уже хоть что-нибудь! — лишь бы прекратить эту пытку.

— Вам решать, — настороженно протянул Харий.

— Мне решать, — задумчиво повторил Кирион. — Забавная традиция оповещать об итоге переговоров до их начала. В данном случае все будет зависеть от наших совместных усилий. Поверьте, Нардок не хочет войны, но и не готов на мир, если условия нас не удовлетворят. Дилемма, однако. Поэтому... Почему бы не принести дары той богине, которая не имеет отношения к подобным земным делам?

По двору пронесся легкий гул недоумения и несогласия. Принести дары Смерти? Но это же немыслимо! Эта богиня никогда не вмешивается в людские судьбы. Она не начинает и не заканчивает войны, не ведает урожаями и непогодой. Лишь изредка собирает дань. Щедрую или не очень — зависит от ее родителей. Как можно просить Смерть о благословении? Ведь страшно даже представить, что она может услышать зов и... И откликнуться на него.

— Ваше высочество! — Король не позволил и тени эмоций отразиться на своем лице. — Подумайте хорошо. Вы несколько заблуждаетесь. Первая жертва не означает конечного итога переговоров. Она лишь показывает, к чему будет стремиться тот, кто делает выбор, — к войне или к миру. Но принести дары Смерти?! Вдруг это навлечет проклятие небес на наши две страны? Вдруг разразится такой мор, перед которым поблекнут предыдущие напасти?

Харий сделал паузу, пытаясь отдышаться после чувственной тирады. Потом продолжил уже тише:

— Нет, я ни в коем случае не пытаюсь вас отговорить или, небо упаси, заставить отказаться от выбора. Но... Ваше высочество, во имя всех богов, будьте благоразумны! Внимание такой силы лучше не привлекать.

— Я понимаю ваши опасения, — после минутной паузы ответил принц. — Но, увы, не разделяю их. Мой дар Смерти — это подношение судьбе, и не надо искать в этом потаенных смыслов, которых просто нет. Еще ничего не определено. Мы в самом начале пути, даже не сделали первый шаг. Так что уважьте мой выбор. Или принесите жертву сами.

Харий молчал. Шаная видела, каких трудов отцу стоило сохранять видимость спокойствия. Чужаки разрешали себе слишком многое. Принц явился во дворец заклётого соперника почти без охраны и позволяет себе такие выходы. Уж не безумец ли он?

— Делайте что знаете, — наконец с тяжким вздохом произнес король. — Но помните, ответственность ляжет полностью на вас.

— Мне не привыкать к подобному бремени. — Кирион улыбнулся, но его черные глаза остались холодными и пустыми.

Принц шагнул к протянутому для него подносу. Небрежно кинул на каменные плиты перчатки и без малейшего сомнения взял нож в левую руку, зачем-то забрав еще и каравай хлеба с вином. Несчастный слуга с чуть

слышным вздохом облегчения перехватил тяжелый серебряный поднос под мышку и отошел в сторону.

Шаная замерла, с недоумением наблюдая за действиями незнакомца. Что он делает? Смерти во все времена приносили кровавую жертву. Зачем принц забрал еще и дары другим богам?

Харий быстро переглянулся с советником, тоже не понимая задумки Кириона. Олаф пожал плечами, и король вновь все свое внимание обратил на принца. Да, стоило признать, церемония приветствия пошла совсем не так, как задумывалась. Но теперь уже поздно что-либо менять.

Кирион подошел к ягненку, на которого было наложено заклятие молчания. Бедное животное широко раскрывало рот, но не могло издать и звука, чтобы не мешать торжественной обстановке ритуала. Принц присел рядом с ним, положил хлеб перед его мордой, кубок с вином отставил чуть в сторону, чтобы не мешался. Теплый сытный запах заставил ягненка затихнуть, вытянуть шею, пытаться добраться до лакомства.

Шаная круглыми от ужаса глазами наблюдала за этой сценой. Она знала, в чем заключался смысл подношения Смерти, но неужели принц способен на подобное? Неужели он убьет ягненка, без малейшей жалости прирежет его на глазах присутствующих?

— Ешь, — чуть слышно шепнул принц, ласково потрепав ягненка по шелковистой белой шерсти. — Не бойся.

Ягненок вытянул шею еще сильнее. И в тот же миг воздух располосовал безжалостный проблеск безупречно заточенной стали. Мельчайший веер кровавых брызг усеял лицо принца, запачкал изысканную вышивку его камзола.

Шаная зажала рот, удерживая себя от крика. Отступила на шаг от окна, не в силах отвести взгляда от столь отвратительного, но в то же время и притягательного зрелища.

— Ваше здоровье! — Принц, встав, отсалютовал королю поднятым кубком с вином, предназначенным прежде

богу Игниусу. Осушил его одним глотком и вновь склонился над ягненком, чьи ноги мелко подрагивали на каменных плитах в посмертных судорогах. Наполнил кубок заново, но теперь в нем плескалась свежая, еще дымящаяся кровь. И через миг алтарь Смерти получил новое щедрое подношение.

— Огонь, — сухо приказал Кирион. Ближайший слуга выступил вперед, протянув уже зажженный факел. Бездымное, почти бесцветное в лучах солнца пламя недовольно затрещало, когда принц принял древко и кинул его на алтарь. Неполную минуту после этого ничего не происходило, и король успел облегченно перевести дыхание, решив, что богиня отклонила дар чужака. Но еще через миг яркий оранжевый огонь с безудержным ревом взметнулся к небесам, рассыпаясь вихрем алых искр.

Принц стоял так близко от алтаря, что наверняка чувствовал жаркое безумство стихии. Но не отходил, напротив, подался вперед, словно не замечая жгучих укусов огня, а возможно — получая от них удовольствие.

Шаная невольно залюбовалась. Высокая темная фигура отчетливо выделялась на фоне громадного костра. Иногда казалось, что пламя вот-вот поглотит принца, обнимет его всполохами и утащит к престолу польщенной богини. И она готова была кричать — прочь, принц, берегитесь! Но раз за разом огонь склонялся перед его ногами, отступая в последний момент.

— Он безумец, — тихо прошептал Харий, поспешно делая шаг назад, когда очередная искра едва не прожгла его камзол. — Слепая лихорадка, от которой погибает император Мириот, поразила и его разум.

Советник встревоженно шикнул, заметив, что светловолосый северянин, по всей видимости, правая рука принца, язвительно усмехнулся, наверняка услышав нелестные слова о своем господине.

Когда пламя начало утихать, принц обернулся к Харию.

— Теперь, когда формальности улажены, предлагаю

приступить к переговорам, — произнес он, небрежно стяхивая с камзола хлопья черного пепла и сажи.

— Быть может, вы желаете отдохнуть после долгой дороги? — несмело предложил король. — И вы наверняка голодны. Обед и самые лучшие покои моего дворца к вашим услугам!

— Сначала дело, — тоном, не терпящим возражений, ответил Кирион. Смягчил резкий тон прохладной улыбкой. — Ваше величество! Вы человек занятой, я тем более. Не будем попусту терять время. Оставим обеды до окончания переговоров, когда будет, что праздновать. По крайней мере, я надеюсь на это.

Харий кивнул, соглашаясь. И два правителя удалились в зал совещаний. Пospешил за ними советник Олаф и светловолосый северянин. Некоторое время во дворе еще бурлил народ, на все лады обсуждая прошедшую церемонию. Затем все разошлись. Лишь слуги суетились около алтарей. Одни — убирая головешки, другие — аккуратно расставляя щедрые дары вокруг жертвенников Терри и Игниуса. На всякий случай. Чтобы те не обиделись столь явным пренебрежением.

Шаная остановившимся взором уставилась перед собой ничего не видя. Она вновь и вновь переживала сцену, невольной свидетельницей которой только что стала. Принц далекой страны заморозил ее, околдовал своим мягким хрипловатым голосом с то и дело проскальзывающими стальными нотками, удивительно темными глазами и резкой непривычной красотой.

— Кирион, — прошептала она, привыкая к чужому имени. Повторила еще раз, перекатывая каждый слог между губ: — Ки-ри-он...

— Что ты там бормочешь? — сонно спросила Нинель. Широко зевнула и подобрала упавшее на пол вязанье. — Ох, как меня сморило-то сегодня! Часа два точно продремала.

Шаная промолчала. С ее языка так и рвался рассказ о том, какие гости сегодня пожаловали во дворец, но что-то внутри строго шепнуло: «Не смей! Ей все равно не по-

нять. Лишь отругает за излишнее любопытство». Но в голове у девочки уже созрел план ближе познакомиться с загадочным гостем.

* * *

Переговоры в тот день затянулись до поздней ночи. Их нельзя было назвать легкими или приятными. Основные споры велись об условиях продления соглашения о ненападении. Главным требованием Кириона оставалась передача под власть империи хотя бы одного острова как знак доброй воли и расположения между соседями. Харий в свою очередь и слушать не желал о подобных уступках. Несколько раз принц достаточно откровенно намекнул, что у Дахара в настоящий момент нет возможности защитить все острова. Они расположены слишком далеко, возведение укреплений еще не закончено и вряд ли завершится в ближайшие годы. Зачем упорствовать, если в итоге можно потерять все? Но Харий боялся, и не без оснований, что подаренный остров империя использует в качестве площадки для подготовки последующего вторжения, в кратчайшие сроки превратит его в неприступный бастион, откуда потом запустит жадные щупальца в мирные земледельческие провинции. На что принц достаточно резко возразил, что если доверия между соседями нет изначально и Харий подозревает, что Нардок способен на такую подлость, то и дальнейшие переговоры представляются ему бессмысленным занятием и потерей времени.

В общем, переговорщики разошлись далеко за полночь, наспорившись до хрипоты и так и не придя к окончательному решению. Перед сном король долго жаловался советнику, что надо было убить принца в самом начале встречи. Пусть бы это покрыло его нескрываемым позором, но решило бы все проблемы самым радикальным и простым способом.

— Вряд ли бы вы его убили, милорд, — задумчиво ответил Олаф. — Полагаю, он вынуждал вас на этот поспеш-

ный и необдуманный шаг, чтобы полностью развязать себе руки. Если Нардок начнет войну сейчас — то его не поддержит ни южная Ритония, ни западный Зальдер. Да и Дариония вновь всколыхнется, а этого империя ой как не хочет. Нет, открытой военной поддержки наша страна вряд ли от них дождется, но негласной будет хоть отбавляй. Кирион не дурак, наверняка понимает это. Ему нужно оправдание для начала боевых действий. Попытка убийства наследного принца, прибывшего на переговоры под белым флагом, знаменующим защиту Пресветлой богини, для этого подходит лучше всего.

— Ну и что? — в запальчивости воскликнул Харий. — Он все равно к тому моменту был бы мертв, так что кому какая разница?

— Не думаю, — мягко возразил советник. — Вы наверняка заметили его кулон. Неужели не узнали в камне кристалл Игниуса? Не алый, который часто используется для связи, а синий. Они довольно редки, поскольку для их изготовления требуется огромное количество серебра и алмазы самого высокого качества. Но при их помощи возможно мгновенно попадать в нужное место. Как только вы отдали бы приказ напасть — принц без особых проблем перенесся бы в безопасное место. Полагаю, прямоком в свой дворец. Да еще этот его помощник, который всюду следует за ним словно тень. Как его, Фарий, что ли? Он пытается не высовываться, но магическая сила выдает его с головой, не говоря уж о татуировке на руках, показывающей высшую ступень посвящения в храме Пресветлого бога. Амулеты в зале совещаний аж затрещали, когда он вошел. Или ваш придворный маг не шепнул вам на ухо, чтобы вы были осторожнее с ним?

— Шепнул, — нехотя признал Харий. Несколько раз нервно сжал и разжал кулаки. — Не люблю, когда в переговорах участвуют маги. Колдовство — подлое искусство. Нечестно, что боги награждают столь высокой властью лишь немногих избранных. За какие заслуги, спрашивается?!

Советник никак не ответил на последний яростный

выкрик короля. Это была еще одна причина, по которой он не спешил рассказывать господину о загадочных способностях маленькой принцессы, пока еще неявных, но грозящих со временем перерасти в громадную проблему. Харий терпеть не может магов. Интересно, как он отреагирует, когда узнает, что его семью боги тоже почтили подобным благословением?

Кирион в свою очередь после окончания затянувшейся встречи не торопился в покои. Его кровь еще бурлила от яростных споров и искусно замаскированных угроз, щедро раздаваемых обеими сторонами. Что скрывать, принц любил риск и не боялся обжечься, играя с огнем. Все его советники были против личного участия Кириона в переговорах, особенно на территории противника.

Принц усмехнулся, вспомнив, какой разгорелся скандал, когда при дворе узнали, что он собирается в гости к королю Харию практически в одиночку, сопровождаемый лишь троицей верных друзей. Даже наличие в его свите Фария не могло успокоить советников. «Безумие! — кричали они на разные голоса. — Ваше высочество, это безумие! Не думаете о себе, так подумайте об империи! Что будет, если Харий воспользуется удобным случаем и убьет вас? Вашему брату, принцу Ноэлю, потребуется не меньше года, чтобы разобраться в хитросплетениях дворцовой политики и интриг. Он способный юноша, но ему всего двадцать!»

— Ваше высочество! — Позади стула неслышно материализовался Фарий. — Что-то случилось? Почему вы не идете в покои?

— Хочу прогуляться перед сном, — честно ответил принц. Потянулся, разминая затекшие после долгого сидения суставы. Бросил косой взгляд на приятеля. — Составишь компанию?

— Вы же знаете, что да. — Фарий пожал плечами. — Ваша мать — императрица Орелия — собственноручно спустит с меня шкуру живьем, если узнает, что я куда-нибудь отпустил вас в одиночку.

— Да, матушка это может, — с легкой усмешкой согла-

сился Кирион. Обвел взглядом опустевший зал совещаний, стол, заваленный бумагами и картами спорных территорий. — Ну что же, пойдём.

Он долго стоял в дверях, ведущих во внутренний двор дворца. В нём клубился мрак, лишь на вершинах четырех сторожевых башен пылали факелы, но от этого тьма здесь, внизу, казалась особенно плотной и физически ощущаемой. Сегодня не было луны, поэтому небо мерцало миллиардами звезд, словно Пресветлая богиня опрокинула шкатулку со своими драгоценностями. Воздух, прогретый за долгий жаркий день, поднимался от каменных плит. Ни ветерка. Флаги двух стран повисли в недвижимом воздухе, выделяясь на темном фоне дворцовой стены светлыми пятнами.

Фарий не мешал принцу. Он привык к таким поздним прогулкам, когда Кирион мог часами молчать, размышляя о чем-то своем. В самом сердце чужой враждебной страны преданный воин и маг думал лишь о том, как защитить своего господина. И тем удивительнее было, что он не заметил маленького сгустка тьмы, лишь чуть плотнее стены мрака, притаившегося в нескольких шагах от дверей.

Принц внезапно нахмурился, почувствовав тот же пристальный взгляд, который уже ощутил на себе во время дневного ритуала приветствия. Тряхнул головой, скидывая с себя оцепенение, незаметно огляделся. Фарий покачнулся было к нему, тоже заподозрив неладное, но Кирион приподнял палец, останавливая его от расспросов. Сощурился, пытаясь понять, что же именно не так. Медленно сомкнул пальцы на рукояти меча и бесшумно скользнул вправо. В тот же миг с негромким звоном клинок покинул ножны. С резким свистом распорол густые чернила поздней ночи.

— Ой! — испуганно выдохнула Шаная, прижимаясь спиной к стене дворца. Ее шею холодило острое меча.

Фарий прицелился пальцами, создав огонек, достаточно крошечный, чтобы не привлечь внимания караула на башнях и у ворот. Тот подплыл к лицу девочки, осве-

тил черные блестящие волосы, перехваченные голубой лентой, огромные синие глаза, дорогое шелковое платье.

— О боги! — изумленно выдохнул принц, торопливо убирая клинок в сторону. — Дитя, что ты тут делаешь?

— Гуляю, — честно ответила Шаная. С запозданием вспомнила про хорошие манеры и торопливо присела перед гостем в глубоком реверансе.

— Не слишком ли ты юна для столь поздних прогулок? — с усмешкой поинтересовался Кирион. — Ночью маленькие девочки должны сладко спать в своих постелях, а не разгуливать в одиночестве. Что случилось бы, если бы я не успел остановить удар?

— Вы бы убили меня, — спокойно сказала Шаная. — Как того несчастного ягненка.

— Несчастливого ягненка? — переспросил Кирион, недоуменно нахмурившись. — Ты присутствовала при ритуале приветствия? Странно, я не заметил никаких детей.

— Я следила за вами из окна, — немного смутившись, пояснила принцесса.

— Вот как. — Кирион сделал паузу. Переглянулся с Фарием, который ответил ему столь же изумленным взглядом. Затем вновь обернулся к девочке. — А как ты подкралась так бесшумно? Я не слышал твоих шагов.

— Самое удивительное, что я тоже, — негромко, себе под нос, буркнул его спутник. — Что немыслимо, если... Если не использовать магию.

Принц услышал его слова и внимательнее посмотрел на девочку. Крошечный огонек плясал у ее лица, отражался в синих глазах, ронял блики на гладкие тяжелые волосы.

— Ну так что же? — В голосе Кириона теперь слышались отчетливые ледяные нотки. — Как ты сюда попала?

Он полагал, что девочка испугается, возможно, даже расплачется. Но такой реакции принц не ожидал. Она улыбнулась, даже не моргнув от его немигающего взора.

— А вы не расскажете моему отцу? — вопросом на вопрос ответила Шаная. — Он рассердится. Вновь запрет

меня в комнате на полгода. Хотя... Вообще-то он еще и не выпускал меня после прошлого раза.

— И что же ты натворила? — поинтересовался Фарий, пытаясь незаметно прощупать ауру загадочной незнакомки, но раз за разом неизменно терпя в этом поражение. И это весьма озадачивало северянина. Он был сильным магом. Пожалуй, одним из самых опасных в империи, а возможно, и здесь, в Дахаре. Не зря его ладони покрывала алая татуировка Игниуса — знак принадлежности к высшей касте колдунов. Нет, будь у него больше времени и возможность действовать открыто, не считаясь со средствами, он бы обязательно достиг успеха. Но даже в условиях скрытого сканирования поражение было удивительным делом. Ладно, маг бы понял, если бы против него стоял действительно достойный соперник. Но ребенок?!

— Я сбежала. — Шаная печально вздохнула. — Все из-за брата. Он мучил кошку, а я помешала ему. Ольд пригрозил, что все равно найдет и убьет ее. Вот я и подумала, что надо отнести кошку в деревню. Там бы она точно не пропала. Не держать ведь ее вечно у меня в комнате. Да и Нинель была против.

— Ольд? — переспросил Кирион, услышав знакомое имя. — Принц Ольд?

— Ну да. — Шаная кивнула, пораженная недогадливостью гостя.

— То есть ты дочь короля Хария? — Фарий аж подался вперед в ожидании ответа.

— Да, да. — Девочка фыркнула, раздраженная недогадливостью мужчин. Немного подумала и вновь присела в глубоком реверансе. — Принцесса Шаная к вашим услугам.

Кирион спрятал лицо в ладонях. Его плечи затряслись от беззвучного хохота. Подумать только, какая ирония судьбы! Всего в шаге от него стоит дочь его злейшего на данный момент противника. Если бы он не остановил меч в последний момент, то уже назавтра две страны схлестнулись бы в кровопролитнейшей войне до послед-

него. А что мешает ему сейчас подхватить девочку под мышку, раздавить кристалл Игниуса и получить наивернейшее средство для подписания перемирия на самых выгодных для Нардока условиях? А его спутники... Ну что же, он с самого начала был готов к таким жертвам. Фарий наверняка выберется из дворца самостоятельно, а остальным он сразу же объяснил, что не все могут вернуться из поездки в другую страну.

Кирион был в курсе обстоятельств смерти первой супруги Хария, знал, что для короля значит его старшая дочь. Шантажировать его детьми от второго брака — глупое и бесперспективное занятие. Но Шаная — совсем другое дело. Король пойдет на что угодно, лишь бы с драгоценной головки его ненаглядной дочки, носящей имя покойной любимой жены, не упало и волоска.

— Ваше высочество? — обеспокоенно протянул верный Фарий, без сомнения, угадав недостойные мысли своего господина. — Это же просто ребенок! Не стоит, право слово...

Он не закончил свою мысль, но принц и без того понял его. Действительно, самое низкое и недостойное занятие — втягивать в войны взрослых невинных детей. Шаная не выбирала, в какой семье ей надлежит родиться, и уж тем более не отвечает за внешнюю политику отца.

— Так *как* ты подкралась ко мне настолько незаметно? — повторил вопрос Кирион, постаравшись забыть о своих недавних подлых планах. Помолчал немного и добавил с двусмысленной усмешкой: — Клянусь, что это останется лишь между нами.

— Тени. — Шаная раскинула в стороны тоненькие ручки, словно балансируя на невидимом канате. — Это все тени. Они слышат меня и откликаются на зов. Их можно попросить об одолжении. И тогда сама станешь тенью. Пусть на краткий миг, но все же. Видите?

Фарий сплюнул сквозь зубы проклятье, когда худенькая фигурка девочки замерцала, растворяясь в ночном мраке. Одно биение сердца — и она исчезла, словно привиделась им только что. Но через секунду вновь возник-

ла на том же месте, улыбаясь, словно после удачной проказы.

— Она не потревожила ни одной нити силы, — зашептал маг на ухо своему господину. — Это немыслимо! Я никогда в своей жизни не встречал столь странных чар. Как такое возможно?

Принц нервно хрустнул длинными холеными пальцами. Он понимал беспокойство Фария. Магия подчиняется определенным законам и правилам. Есть целители, поклоняющиеся Пресветлой богине. Есть боевые маги, пользующиеся силой Игниуса. Есть некроманты, получившие власть от Смерти. Девочка могла применить любые чары, но природу ее силы обязательно почувствовал бы Фарий или он сам. Но тени? Что это значит?

— Кто тебя научил этому? — излишне резко спросил он, невольно делая шаг назад. — Придворный чародей?

— Никто, кроме вас, об этом не знает. — Шаная смущенно пожала плечами. — И вы обещали не рассказывать моему отцу. А научили... Сами тени и научили. Они везде и всюду. Когда засыпаю — слышу их шепот. В углах комнаты, над кроватью, под столом и стульями — всюду они. Иногда, когда я устаю или не в духе, то не вслушиваюсь. Но они рассказывают так много интересного, обещают показать мне целый мир! Это так... заманчиво...

— По девочке плачет костер, — кратко резюмировал Фарий. Кирион видел, как его верный маг напрягся, словно в любой момент ожидая нападения. — Тени — создания мрака. Если они с ней разговаривают, то... Не мне вам объяснять, господин, что это значит.

Кирион понимал, на что намекал маг. Помимо трех богов, в этом мире был еще и четвертый, о чьем существовании старались не вспоминать. Бог тьмы и мрака, прародитель самых жутких созданий, которые скрываются в ночи. Тот, чье имя неназывается, чтобы не привлечь ненароком его внимание. Галаш, бастард Пресветлой богини, родившийся от ее противоестественного и насильственного союза с волком. Полубог, полуживерь.

— Ты решила сегодня прогуляться из-за теней? —

хрипло поинтересовался Кирион, невольно вновь смыкая пальцы на рукояти меча, будто готовясь к нападению. — Они приказали тебе найти меня?

— О чем вы, принц? — Шаная широко распахнула свои бездонные глаза. — Я пришла сюда сама. Просто хотела узнать...

Тут она запнулась, безуспешно подыскивая слова. Кирион не торопил ее. Он то и дело бросал исполненные тревоги взгляды на Фария, гадая, как же поступить дальше. Если маленькая принцесса — исчадие ночи, если она нападет на него, то придется защищаться. Но как потом оправдаться? Ведь в глазах Хария и всего мира это будет выглядеть убийством невинного ребенка. Никто не поверит его рассказу о тенях, раз уж за почти двенадцать лет жизни девочки придворные маги Дахара не забили тревогу.

— На ритуале вы убили ягненка, — тихо продолжила принцесса, глядя куда-то поверх головы Кириона. — Неужели вам не было его жалко?

— Жалко? — невольно переспросил тот. Не такого вопроса он ожидал от Шанаи. Невероятно, и это создание вздумало учить его милосердию! — Почему я должен его жалеть?

— Ну... — Принцесса замялась на неуловимый миг. Потом взглянула прямо в глаза Кириона. — Он же был живой! Он чувствовал боль и страх! И он хотел жить. Очень хотел. Почему... Разве это было настолько необходимо?

Брови Кириона сами собой полезли на лоб от изумления. Нет, тут что-то не сходится. Слуги Галаша не обладают состраданием. Они убивают ради собственного развлечения, смеются над болью и муками своих жертв, получают нескрываемое удовольствие от пыток. Почему Шаная задает такие вопросы? Или они с Фарием ошиблись, и на самом деле на девочке лежит благословение другого бога? Но в таком случае какого?

Фарий без проблем понял причины замешательства своего господина. Выступил вперед, будто пытаясь прикрыть принца в случае неожиданного нападения.

— Принцесса, — с показной вежливостью проговорил он, — не путайте животных и людей. Боги для того и создали скот, чтобы он умирал во имя нашей жизни. Вы же не рыдаете, когда едите тушеное мясо или хорошенько прожаренный бифштекс? А ведь чтобы насыть вас, пришлось убить такого же миленького ягненка, как сегодня днем. Почему вас тогда настолько смутил ритуал?

Шаная молчала, видимо, не зная, как возразить.

— Нет, это не значит, что надо издеваться над животными, — продолжил уже Кирион. — Тот, кто получает удовольствие от страдания беззащитного существа, не способного оказать никакого сопротивления, — слабый и никчемный человек, трус, который боится кинуть вызов действительно достойному сопернику. Поэтому когда убиваешь животное, надо сделать это как можно быстрее и безболезненнее.

— Это же правило касается и врагов, — тихо, себе под нос, добавил Фарий. Понимающе переглянулся с принцем. — Пытки — наслаждение для слабых. Смерть — уже достаточное наказание, чтобы усугублять его подобным образом.

Кирион предполагал, что девочка не поймет ни слова из их мудреных умозаключений. К чему ребенку задумываться над столь серьезными вещами? Но она на удивление серьезно кивнула.

— Понятно, — протянула Шаная. Встрепенулась, будто почувствовала что-то, недоступное для них. — Простите, принц. Я вас слишком задержала. Вам пора, мне тем более. Нинель вот-вот проснется. Случится скандал, если она не обнаружит меня в комнате.

— Постой! — окликнул было ее Кирион, но девочка уже растворилась в ночном мраке. Исчезла, вновь не потревожив ни одной тончайшей ниточки силы, как известно, паутиной окутывающий весь мир и видимой лишь для избранных. Только слабое дуновение ветерка принесло им напоследок тихий шепоток:

— Принц, вы обещали не рассказывать моему отцу. Сдержите слово, прошу!